

Добровольцы, сопровождавшие Цзилуна в его походе к Гунсунь Цзаню, до единого отличались крепким здоровьем и силой. Отряд двигался споро: днем совершали марш-броски, а с наступлением темноты разбивали лагерь на ночлег.

Го Цзя маршировал наравне со всеми, верхом на коне, ничуть не задерживая отряд. Вот только по вечерам, когда лагерь был уже разбит, он неизменно ужинал быстрее всех и тихонько уходил в свою палатку, а на следующее утро вновь поднимался в седло и продолжал путь, выглядя так, будто тяготы дороги его вовсе не касались.

Цзилун всё подмечал про себя, и мысли всю дорогу не давали ему покоя.

Пока однажды он не услышал, как двое рядовых воинов чистили котлы.

От этой горной дороги у меня, кажись, поясница скоро надломится, — пожаловался один.

Второй толкнул его локтем в бок и усмехнулся: — Ты на господина Го посмотри! Тоже день за днем наравне с нами трясется, а ведь он ученый муж. Сам-то вон какой бугай, а еще рассиропился, чего ноешь?

— И то верно. Поглядеть на него, так он нынче вечером почти ничего не поел.

— Угу, вчера тоже почти не притронулся к еде.

Го Цзя делил палатку с Сюй Лу. Когда Цзилун постучал, изнутри донесся громкий храп, будто приветствуя его.

В палатке уже погасили свет, и Цзилун не решался вламываться без спросу. Постояв снаружи, он окликнул: — Фэнсяо, ты уже спишь?

Подождав немного и не дождавшись ответа, Цзилун собрался было уходить, но за пологом неожиданно забрезжил свет.

Обернувшись, он увидел Го Цзя: тот наспех запахнулся в лисий плащ, приподнял полог и стоял в проеме.

Тусклое пламя свечи очерчивало его силуэт, но черты лица тонули в полумраке.

— Цзилун? Что-то случилось? Входи в палатку, чего на холоде стоять.

Цзилун знал, как сильно тот зябнет, а в ночной час воздух был студеным и пронизывающим — оставаться снаружи Го Цзя не стал бы ни за что. Не раздумывая, он последовал за ним. Справа

в палатке стояла деревянная кушетка, на которой кто-то спал мертвецким сном: раскатистый храп исходил прямо от Сюй Лу.

— Если зажечь свет, не разбудим его? — спросил Цзилун.

Угольки в жаровне давно погасли, и Цзилун с беспокойством смотрел, как Го Цзя кутается еще и в одеяло. — Ничего, он спит как убитый, его, пожалуй, и громом не разбудишь, — ответил Го Цзя, и легкая улыбка тронула угол его рта. — Зачем ты пришел так поздно, Цзилун? Что-то срочное?

— Да нет, ничего особенного, — отозвался Цзилун, но взгляд его задержался на этой улыбке.

В памяти внезапно всплыли строки:

Смотришь на благородного мужа — словно овей он мягким сиянием яшмы.

Цзилун огляделся по сторонам: сухие дрова в жаровне прогорели дотла. — Я схожу за хворостом, — сказал он.

— Цзилун, — окликнул его Го Цзя.

Шаг Цзилуна замер. Спустя мгновение он обернулся и достал из-за пазухи небольшой флакон с лекарственной настойкой: — Попросил у военного лекаря. Помогает разогнать кровь и снять боль в суставах.

Го Цзя на миг замер, но тут же с благодарностью принял подарок: — Спасибо за заботу, Цзилун.

В последующие дни пути Цзилун намеренно сбавил темп и между делом расспросил Сюй Лу.

Сюй Лу склонил голову набок и припомнил: — А, была вроде какая-то склянка, господин Го ею пользуется. Братец Чжао, неужели ты не замечал? Последние дни от него всё время едва уловимо пахнет лекарствами.

Цзилун, конечно, ничего не замечал — откуда ему, в самом деле, околачиваться возле Го Цзя целыми днями, как какому-нибудь Сюй Лу?

И все же в один из дней ему представился удобный случай заговорить с ним наедине, ведь они уже почти добрались до уезда Цзи.

Го Цзя сидел перед жаровней, протянув над ней ладони — кожа на них казалась почти

прозрачной, мертвенно-бледной.

— О чем ты хочешь спросить, Цзилун?

Строго говоря, еще в дороге Цзилун обдумывал этот вопрос дольше всего. О чем он хотел спросить?

О самом Гунсунь Цзане? Но они уже подходили к городским воротам уезда Цзи — не разворачивать же коней прямо у въезда?

О том, как Гунсунь Цзань отнесется к перебежчикам после их прибытия в уезд?

Цзилун ломал голову над этим долгое время, пока наконец не нашел истинную причину.

— Фэнсяо, почему ты согласился пойти со мной на север?

Улыбка исчезла с губ. Го Цзя так уверенно ждал, что Цзилун станет расспрашивать о Гунсунь Цзане, что никак не ожидал услышать вопрос, обращенный к нему самому.

Почему? Почему он согласился пойти... с ним...

Я... — Го Цзя вдруг понял, что у него перехватило дыхание, или, вернее, он просто не мог найти ответа.

Разве мог он сказать: я прожил вторую жизнь, а твое... твоё дыхание ещё в прошлой вошло в мою душу, сбереженное тремя сутками полыхавшего пламени у Чиби, сбереженное потому, что моя блуждающая тень уже давным-давно встретила с тобой...

Цзилун, я искал тебя две жизни, и в этой пришел только ради тебя...

Опустив голову, Го Цзя тихонько затрепетал густыми ресницами, отбрасывавшими на лицо темные тени, подобные сложенным крыльям бабочки.

— Фэнсяо? — встревоженно позвал Цзилун.

Тот вдруг зашелся в приступе кашля — судорожном, надрывном, от которого щеки покрылись нездоровым румянцем.

Цзилун торопливо поднес ему чашку с водой: — С чего это ты вдруг так сильно закашлялся?

Приняв чашку, Го Цзя продолжал надрывно кашлять, едва не выронив посуду. Цзилун подхватил ее, и его правая рука после секундного колебания легла на спину больного, мягко поглаживая и успокаивая.

Сделав несколько глотков из протянутой чашки, Го Цзя наконец отдышался и легонько оттолкнул его: — Цзилун, мне нездоровится. Позволь мне немного отдохнуть?

Рука Цзилуна, оттолкнутая им, так и осталась висеть в воздухе. А когда Го Цзя на мгновение поднял взгляд, Цзилуну показалось, будто он рухнул в самую бездонную пучину его глаз — в темный омут, в который погружался всё глубже и глубже.

— Хорошо, тогда я не буду мешать тебе отдыхать, Фэнсяо.

Выйдя из палатки, Цзилун заложил руки за спину и замер. Заходящее солнце медленно клонилось к закату, багровые тучи заливали небо заревом, и алый свет, падая на его лицо, сплетался с легкой тенью растерянности.

В конце концов Цзилун во главе отряда добровольцев и воинов прибыл в уезд Цзи. Назвав у ворот цель своего визита, он столкнулся с Лю Юанем, который как раз патрулировал стены. Тот велел Цзилуну взять с собой лишь несколько человек и следовать за ним в город.

Цзилун бросил взгляд на Го Цзя и уже было открыл рот, собираясь назвать его имя, как тот едва заметно покачал головой.

Хотя Цзилун ничего не понял, спорить не стал: пропустив Го Цзя, он отобрал нескольких людей и вместе с Лю Юанем отправился на встречу с Гунсунь Цзанем.

Сюй Лу, оставшийся ждать у городских ворот, захлопал глазами и спросил Го Цзя: — Господин, братец Чжао ведь явно хотел взять вас с собой, почему же вы отказались?

Осматривая уезд Цзи, Го Цзя вспоминал прошлое. После ухода из лагеря Юань Шао он скитался по дорогам целых шесть лет, и смутно помнил, что бывал здесь прежде. Только вот самого Гунсунь Цзяня в те дни в этих краях уже не было: кажется... кажется, он ушел в Ицзин.

— Господин?

— М? — растерянно моргнул Го Цзя.

Сюй Лу обиженно вздохнул: — Господин, с тех пор как у вас появился братец Чжао, вы меня совсем перестали замечать.

Го Цзя невольно усмехнулся и потрепал его по макушке: — Что ты мелешь?

— А то! Почему вы не захотели пойти в город вместе с братцем Чжао? Обязательно стоять здесь со всеми и мерзнуть? Вы же знаете, какое у вас слабое здоровье.

Го Цзя шутливо грохнул его кулаком по плечу: — Разве плохо составить тебе компанию?

— Ой! — Сюй Лу, пользуясь превосходством в росте и длине ног, кое-как закинул руку Го Цзя на плечо и зашептал: — Господин, вы ведь просто не хотите видеть Гунсунь Цзяня, признайтесь.

Го Цзя отмахнулся от его руки: — Раз знаешь, зачем спрашиваешь?

— А почему не хотите? Предложи вы свои услуги — глядишь, Гунсунь Цзянь пожаловал бы вам какую-нибудь должность, кто знает.

Спрятав руки в рукава, Го Цзя задумчиво вглядывался в конец длинной улицы и пробормотал себе под нос: — У меня есть Цзилун, и этого достаточно. Больше мне ничего не нужно.

День клонился к вечеру, когда Цзилун наконец спешно вернулся. Увидев, что люди по-прежнему ждут у ворот и среди них — всё так же стоящий со всеми Го Цзя, он нахмурился:

— Почему не сели в повозку? Вечером холодно, а ты еще до конца не поправился. — В голосе Цзилуна прозвучало легкое раздражение.

— Вот-вот, я ведь уговаривал господина, а он ни в какую! — тут же подбежал Сюй Лу, но получил от Го Цзя такой выразительный взгляд, что сразу умолк.

— Цзилун вернулся? — Го Цзя повернулся к нему, и на его губах снова заиграла мягкая улыбка.

Цзилун лишь вздохнул: — Господин пожаловал нам особняк, пойдемте скорее.

Гунсунь Цзянь был искренне рад переходу Цзилуна на его сторону и в знак благоволения пожаловал ему дом. Пусть и небольшой, но людей у Цзилуна осталось немного: за вычетом тех, кого сразу зачислили в гарнизон, при нем почти никого не прибавилось.

В просторном дворе от этого даже казалось немного пусто.

К счастью, люди Цзилуна привыкли справляться сами: не прошло и много времени после их прибытия, как во дворе застучали ножи и загремела утварь, сооружая на скорую руку сытный ужин.

Сюй Лу и остальные, измотанные долгой дорогой, наконец-то обрели крышу над головой и уплетали за обе щеки — каждый умял по две лишние пиалы риса.

— Господин, почему вы не едите? — усердно работая палочками, Сюй Лу случайно заметил, что Го Цзя отложил свои, оставив в пиале больше половины.

От этого окрика все за столом мгновенно замерли и дружно уставились на Го Цзя. Тот почувствовал себя не в своей тарелке и неловко дернул уголком рта: — Я наелся, правда. Ешьте, не обращайтесь внимания.

Убедившись, что всё в порядке, остальные вновь принялись за еду.

— Фэнсяо ест слишком мало.

Цзилун сидел рядом с Го Цзя. Сам он накладывал уже третью пиалу риса и уплетал за обе щеки без всяких церемоний.

Го Цзя тихо проронил: — Слишком остро.

Цзилун опешил, окинул взглядом стол и действительно заметил, что все блюда густо усыпаны красным перцем. Только тут он вспомнил, как во время готовки те простодушные вояки заявили, что любят поострее, и бухнули в котлы целую гору сычуаньского перца. Для них самих это было привычно, а Сюй Лу, хоть и не привык к такой остроте, всё же мог забросить кусок в рот, прожевать и проглотить.

Насыпав столько перца, они совсем забыли про Го Цзя, которому теперь оставалось только уныло таращиться в тарелку.

Ближе к ночи, когда Го Цзя уже собирался ложиться спать, в дверь его комнаты громко постучали.

Открыв, он увидел Цзилуна с дымящейся миской лапши в руках, в которой плавали аппетитные хлопья взбитого яйца.

Го Цзя остолбенел, но Цзилун уже бесцеремонно увлек его обратно в комнату.

Поедая лапшу, Го Цзя то и дело поглядывал на Цзилуна, который чинно восседал напротив.

Прямая спина, руки аккуратно лежат на коленях, сидит неподвижно, словно изваяние — весь в своем обычном репертуаре, внушительный и невозмутимый.

Красивое лицо, пронзительные тигриные глаза неотрывно и сосредоточенно... смотрели, как Го Цзя ест лапшу.

— Кхм-кхм. — От такого взгляда щеки Го Цзя мгновенно залились жаром.

— Цзилун, как прошла сегодняшняя встреча с господином Богуем?

Заметив, как щеки Го Цзя покрылись румянцем, Цзилун решил, что тот просто распарился от горячей еды. Легкий пар поднимался от миски, окутывая лицо Го Цзя воздушной, неуловимой дымкой.

Цзилун мысленно вздохнул и покачал головой, словно пытаясь отогнать странные мысли.

— Господин спросил меня: в области Цзичжоу столько людей мечтают примкнуть к Юань Бэньчу, почему же ты, Цзилун, одумался и вернулся?

— И что же ответил Цзилун? — Го Цзя грел руки о чашку с горячим чаем, и на лице его тоже отразилось тепло.

Цзилун на миг замер, словно сам погрузился в это мягкое сияние.

— Цзилун?

Опомнившись, Цзилун продолжил уже серьезно: — Я ответил так: нынче Поднебесная ввергнута в хаос, и я не ведаю, кто истинный государь. Ныне народ висит на волоске от гибели, а наша область решила вручить мне тяжелое благое дело — следовать туда, где правят справедливость и человеколюбие. И потому мы отделились от Юань Шао вовсе не из-за личных обид, а склонились к генералу по этой причине.

— *Хлоп-хлоп-хлоп.*

Услышав это, Го Цзя захлопал в ладоши: — Должно быть, господин Богуй остался весьма доволен.

Цзилун: — Он отреагировал точно так же, как ты сейчас.

Го Цзя поджал губы, опустил голову и тихо улыбнулся.

<http://bllate.org/book/19191/1884800>